

НИКИТА ХРУЩЁВ

FOLIO

Наталья Лавриненко

Никита Хрущев

«Фолио»

2010

Лавриненко Н. Е.

Никита Хрущев / Н. Е. Лавриненко — «Фолио», 2010

«Народный царь», как иногда называли Никиту Хрущёва, в отличие от предыдущих вождей, действительно был родом из крестьян. Чем же запомнился Хрущёв народу? Борьбой с культом личности и реабилитацией его жертв, ослаблением цензуры и доступным жильем, комсомольскими путевками на целину и бескрайними полями кукурузы, отменой «крепостного права» и борьбой с приусадебными участками, танками в Венгрии и постройкой Берлинской стены. Судьбы мира решались по мановению его ботинка, и враги боялись «Кузькиной матери». А были еще первые полеты в космос и надежда построить коммунизм к началу 1980-х. Но самое главное: чего же при Хрущёве не было? Голода, войны, черных «воронков» и стука в дверь после полуночи.

Содержание

ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ	5
КАК МОСКВА СИТЦЕВАЯ СТАЛА МОСКВОЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ	11
«ОКО» СТАЛИНА В УКРАИНЕ	14
ПЯТЬ ФРОНТОВ, НЕ СЧИТАЯ ТРУДОВОГО	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Н. Лавриненко Никита Хрущёв

ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ

«Вы хотите знать, кто я такой? Я стал трудиться, как только начал ходить. До 15 лет я пас телят, я пас овец, потом пас коров у помещиков. Потом работал на заводе, хозяевами которого были немцы, потом работал на шахтах, принадлежавших французам; работал на химических заводах, принадлежавших бельгийцам, и вот теперь я премьер-министр великого Советского государства».
(Из речи Хрущёва на приеме, устроенном в его честь кинокомпанией «XX век Фокс»)

«Народный царь», как иногда называли Никиту Хрущёва, в отличие от предыдущих вождей, действительно был родом из крестьян. Он родился 3 (15) апреля 1894 года¹ в селе Калиновка Курской губернии. Его отец, Сергей Никанорович, и мать, Ксения Ивановна, имели двух детей – Ирину и Никиту; больше не позволял семейный бюджет.

О детстве и ранней юности Хрущёва историки знают не так уж много – дело в том, что сам Никита Сергеевич в мемуарах об этом не писал, да и рассказывал нечасто. Видимо, он просто считал эти подробности излишними. Кроме того, в те годы особое внимание биографы уделяли революционной деятельности своего героя, а личная жизнь оставалась за кадром.

В родной деревне Никита учился в церковноприходской школе. Мальчик он был смекалый, читать и писать выучился быстро. Кроме того, он приносил в дом копеечку – пас скот.

Сергей Никанорович часто уходил на заработки, оставляя семью в деревне. А в 1908 году перевез семью на Успенский рудник недалеко от Юзовки. Позже Молотов дразнил Хрущёва – мол, его отец хотел стать капиталистом. Сергей Никанорович действительно мечтал быть владельцем шахты. Конечно, его мечта не имела шансов сбыться, зато его сын стал «хозяином» одной шестой части суши. А пока что Сергей Никанорович был шахтером, приобщился к рабочему классу и Никита. Поначалу он занимался черной работой – чистил на шахтах котлы, потом пристроился на завод учеником слесаря. Будущий глава партии и правительства искренне полюбил слесарное дело и стал в нем настоящим мастером. Чемоданчик со слесарным инструментом он возил с собой вплоть до 1935 года, когда стал секретарем Московского обкома: «Это были кронциркуль, литромер, метр, керн, чертилка, всякие угольники. Я еще не порвал мысленно связь со своей бывлой профессией, считал, что партийная работа – выборная и что в любое время могу быть не избранным, а тогда вернусь к основной своей деятельности – слесаря».

В рабочем поселке юный Хрущёв был фигурой известной. Он великолепно играл на гармонии, и местный молодежь собирался, чтобы попеть и потанцевать под его аккомпанемент. В мемуарах Никита Сергеевич писал, что играл он не очень хорошо, во всяком случае, похуже Жданова, который развлекал игрой на рояле и гармонии Сталина и партийную верхушку. А вот народу нравилось...

В Юзовке Никиту Сергеевича заразили идеей коммунизма. Запоем, как нынешняя молодежь фантастику, он читал марксистскую литературу, а в 1912 году, после Ленских событий,

¹ Это уточненная дата, согласно записи в метрической книге, которая в настоящее время хранится в Государственном архиве Курской области. Хрущёв не знал точной даты своего рождения и обычно отмечал его 17 (5 по старому стилю), именно поэтому такая дата его рождения встречается во многих источниках.

даже стал активистом стачки в Юзовке. Сохранилось донесение начальника Екатеринославского губернского жандармского управления, в котором говорится, что восемнадцатилетний ученик слесаря на заводе Боссе собирал пожертвования для семей рабочих, убитых на Ленских приисках. За это молодой Хрущёв жестоко поплатился – его уволили с завода. Однако он был уже квалифицированным и грамотным рабочим, поэтому вскоре нашел место на шахте № 31 в поселке Рутченково. Позже Хрущёв, которому довелось поработать камеронщиком, слесарем и машинистом подъемной машины, вспоминал, как ему доводилось выходить зимой промокшим из сырой шахты и идти домой пешком три километра. Никита Сергеевич считал, что именно такая закалка и стала источником его железного здоровья. «Никаких бань, никаких раздевалок для нас капиталисты не делали. Вот такие были условия работы. А теперь меня никакой черт, никакая хворь не берет», – рассказывал он в 1962 году на митинге дружбы в Болгарии.

Когда началась Первая мировая война, Хрущёва, как и большинство шахтеров, в армию не призвали – он продолжал работать. Еще одним подарком судьбы стала встреча с Ефросиньей Писаревой – дочерью машиниста шахтного подъемника. Семья Писаревых подрабатывала, давая платные обеды. Одним из столовников был Хрущёв. Молодому человеку приглянулась старшая дочь хозяев, и она ответила ему взаимностью. Влюбленные поженились в 1914 году. «Поскольку у меня была очень хорошая профессия, я смог сразу же снять квартиру. В моей квартире была гостиная, кухня, спальня, столовая», – писал впоследствии Никита Сергеевич. Вскоре молодых ожидало прибавление в семье: в 1916 году появилась на свет дочка Юлия, а в 1918-м родился сын Леонид.

Семья не помешала Хрущёву продолжать революционную деятельность. Он распространял и устраивал коллективные чтения «Правды». В конце 1914 года он перешел на работу слесарем в рутченковские механические мастерские. Круг его знакомств расширился, росла и популярность среди рабочих. В марте 1915 года Хрущёв стал одним из зачинщиков забастовки в Рутченкове, а после Февральской революции его избрали в Совет рабочих депутатов в Юзовке. Советом руководили меньшевики и эсеры, но беспартийный тогда Никита Сергеевич сделал свой выбор: он поддерживал большевистскую фракцию. Поэтому, когда в декабре 1917 года председателем Совета рабочих депутатов в Юзовке стал большевик Яков Залмаев, Хрущёв был избран председателем профсоюза металлистов горно-рудной промышленности.

Шла гражданская война. Участие в ней Хрущёва вызывает споры среди историков. Есть версия, что все три года войны он провел не в действующей армии, а в стройбате. Многие исследователи полагают, что он все же был в боевых частях, но только на политработе. Но есть и третья версия – в гражданскую Хрущёв воевал, он вступил в Первый Красной гвардии Донецкого бассейна полк и сражался против казачьего отряда есаула Чернецова, а потом возглавил рутченковский шахтерский батальон.

Хрущёв вернулся с фронта, когда на территорию Украины вступили немецкие войска, заключившие соглашение с Центральной Радой. В Юзовке он явно пришелся не ко двору. Молодой красноармеец сначала прятался в одной из шахт, а затем покинул Донбасс: вышел через шахтную сбойку в степь и направился в Курскую губернию, где уже хозяйничали советы. Там ему поручили работу в волостном ревкоме. Той же весной 1918 года Хрущёв вновь оказался в армии, теперь уже действительно на политической работе – в партию большевиков он к тому времени уже вступил. Никита Сергеевич был на Царицынском фронте в составе 9-й армии, а весной 1919 года стал комиссаром 2-го батальона 74-го полка 9-й стрелковой дивизии. Когда разбили Деникина и 9-ю армию переименовали в Кубанскую, Хрущёв стал инструктором армейского политотдела.

Когда гражданская война закончилась, партия направила Хрущёва поднимать Донбасс – главную топливную базу страны. Там молодого руководителя ждал тяжелый труд и неустроен-

ная личная жизнь: Ефросинья умерла в 1919 году от сыпного тифа, а дети жили в Калиновке с бабушкой и дедушкой.

Порядки, которые существовали в Донбассе после гражданской войны, кажутся теперь анекдотом из серии черного юмора. Чтобы восстановить Донбасс, была создана Украинская трудовая армия, во главе которой некоторое время стоял И. Сталин. На работу мобилизовывали, как на фронт: всех квалифицированных шахтеров до 50 лет и технических специалистов до 65 лет. Так и говорили: «мобилизация», «трудовая повинность». Шахты именовались «полками», а их объединения – «дивизиями». Местная юзовская газета называлась «Диктатура труда». Хрущёв занял должность зампреда Рутченковского рудоуправления по политической работе.

После перехода к НЭПу в 1921 году трудовые армии были ликвидированы. Донбасс был большей частью восстановлен. Вклад в это Никиты Хрущёва заключался не только в умелом руководстве – Никита Сергеевич никогда не боялся физического труда. Часто партийный начальник сам рубил уголь или помогал ремонтировать оборудование. Умел он и работать головой: «Мы начали восстанавливать коксохимический завод, – вспоминал Хрущёв. – Чертежей не было. Бельгийцы, которым принадлежал завод, уехали и все чертежи взяли с собой. Мы тогда разыскивали старых рабочих, советовались с ними, разбирали старые батареи коксовых печей, делали чертежи, чтобы узнать, что такое коксохимическое производство и как пустить его в ход. А многие из тех инженеров, которые остались... были против нас. И в этих трудных условиях мы восстановили промышленность Донбасса». Он горел желанием разобраться во всем, во всем участвовать. Так он будет поступать всю свою жизнь.

В 1921 году Хрущёв поступил на рабфак только что открытого Донтехникума. Его сразу же назначили политруком техникума и избрали секретарем партийной ячейки. Кроме того, Никита Сергеевич учился в окружной партийной школе. Там он и познакомился со своей второй женой – Ниной Петровной Кухарчук, которая преподавала молодым партийцам политэкономии.

Лекции симпатичная девушка читала на украинском языке – она родилась в Западной Украине в селе Василев Холмской губернии. Отец Нины Петровны был крестьянином, но судьба дочери сложилась иначе. Она была очень одаренной и блестяще училась в церковно-приходской школе. Успехи маленькой Нины заметил местный епископ Евлогий, и по его протекции она поступила в Одесскую гимназию. Нина Петровна была образованной женщиной – знала иностранные языки и разбиралась в искусстве. Революцию она приняла всем сердцем. Фотографии тех лет хранят образ эмансипе с «прогрессивной» короткой стрижкой. Брак Хрущёва и Нины Петровны тоже был «модным» – они не венчались в церкви, да и вовсе не регистрировали свои отношения официально. Но, несмотря на отсутствие венчальных колец и штампа в паспорте, супруги прожили вместе почти полвека – с 1924 по 1971 г., до самой смерти Никиты Сергеевича.

Сейчас нередко пишут, что на самом деле Нина Петровна была третьей женой Хрущёва. Этой версии придерживается, например, один из его западных биографов Вильям Таубман, известный политолог, автор книги «Хрущёв: человек и его эра». Таубман знает о втором браке Хрущёва со слов дочери друга детства Никиты Сергеевича. Якобы Хрущёв женился в 1920-х годах, но потом бросил жену по настоянию своей матери. Такой источник информации вряд ли можно назвать достоверным. Более того, Таубмана самого удивляет решение Хрущёва – разводы тот ненавидел. Историк Юрий Емельянов в свою очередь считает, что причиной разрыва стало нежелание мачехи воспитывать маленьких Юлию и Леонида.

Дети Никиты Сергеевича и Нины Петровны опровергают версию о неудачной женитьбе отца. «Что касается Маруси и ее дочери, то мне об этом говорили, когда я бывал в Донецке. Но сам я ничего не знаю и думаю, что это слухи. Никита Сергеевич по отношению к семье был человеком ответственным и о дочери бы не забыл», – утверждает Сергей Хрущёв. Вторая

дочь Хрущёва, Рада Никитична, полагает, что произошла путаница: родственница по имени Маруся у него действительно была, но так звали не жену, а свояченицу – сестру Ефросиньи.

Добродушная внешность Нины Кухарчук не была обманчивой. Она действительно оказалась великолепной женой и матерью: поддерживала мужа во всех начинаниях, искренне любила и родных, и приемных детей. Биографы Хрущёва пишут, что это был очень гармоничный брак. Как показала жизнь, тактичная и образованная супруга могла и высоких гостей принимать, и за границей вызывала искреннее уважение. А главное, Нина Петровна была терпелива и стоически переносила тяготы, связанные со служебным положением своего супруга.

В середине 1920-х жизнь семьи Хрущёвых была спокойной и сытой. Донбасс в эти годы расцвел благодаря НЭПу, который Никита Сергеевич очень хвалил: «Продуктов в 1925 г. у нас было сколько угодно и по дешевке. После 1922 г. с его голодом и людоедством теперь настало изобилие продуктов. Сельское хозяйство поднималось прямо на глазах. Это было просто чудо».

По окончании учебы Хрущёва рекомендовали на партийную работу. Он стал вторым секретарем Петрово-Марьинского райкома партии, который курировал села Марьинского района и шахты Петровского рудника. Райком помогал создавать первые колхозы, партийные и комсомольские ячейки на деревне. Начиналась индустриализация, поэтому на заводах и шахтах требовались квалифицированные специалисты. Партии пришлось искоренять так называемое «спецеество», то есть исправлять собственные ошибки, привлекая к работе старые кадры – техническую интеллигенцию, которая до сих пор доверием большевиков не пользовалась. Доводилось Хрущёву решать и иные проблемы: крестьяне из окрестных деревень приезжали на работу и жили в бараках без удобств с многоярусными нарами. Культурному росту такие условия не способствовали, и вечера обитатели постреволюционных «общаг» коротали за бутылкой и картами. Вот и приходилось райкому бороться с испорченными нравами. Сам Никита Сергеевич азартных игр не любил, он был сторонником здорового образа жизни. Конечно, рюмочку-другую, как нормальный мужик, пропустить мог, но «зеленый змий» его, как многих соратников по партии, не сгубил. А сигарет Хрущёв вовсе не терпел и даже вел «антиникотиновую пропаганду» в собственном доме – по настоянию мужа бросила курить Нина Петровна.

Правда, Никита Сергеевич тоже был не безгрешен, и «грех» его, с партийной точки зрения, был посерьезней банального курения или пьянства: одно время Хрущёв питал пристрастие к троцкизму. «Это длилось очень непродолжительное время. И после этого я занял твердую позицию борьбы с троцкистами и со всеми врагами партии», – говорил он потом. К 1925 году от троцкизма Хрущёва не осталось и следа, однако о его «левоуклонистских» настроениях помнил секретарь Сталинского окружка КП(б)У Константин Моисеенко. Есть версия, что от нападок Моисеенко Хрущёва защитил Лазарь Каганович – в те годы генеральный секретарь ЦК Компартии Украины. Многие партийцы в Украине были недовольны Кагановичем, но Хрущёву Лазарь, которого он знал еще со времен Февральской революции, был симпатичен.

В декабре 1925 года будущий глава государства в составе украинской делегации на XIV съезде ВКП(б) впервые побывал в Москве. На съезде шла борьба между большинством ЦК и «ленинградской оппозицией», возглавляемой Зиновьевым. Конечно, Хрущёв поддержал «генеральную линию», а в 1927 году на XV съезде ВКП(б) он проголосовал за исключение из партии Троцкого, Зиновьева и других деятелей оппозиции. Его политическая лояльность была продиктована не только страхом, что ему припомнят троцкизм. «Я и сейчас считаю, что тогда наша идейная борьба была в основе правильной», – писал Хрущёв в своих мемуарах спустя почти полвека. В искренность Никиты Сергеевича верят многие из его биографов. Ф. М. Бурлацкий, например, отмечал, что Сталин был менее образованным и культурным человеком, чем Троцкий, Зиновьев или Бухарин, но более понятным, и поэтому выходцы из рабочей и крестьянской среды, в том числе и Хрущёв, лучше воспринимали его речи и лозунги.

В 1926 году Хрущёва перевели в Сталино² в качестве заведующего орготделом окружного комитета партии, а вскоре его ожидало очень существенное повышение. По протекции Кагановича Станислав Косиор, который в 1928 году стал генеральным секретарем ЦК Компартии Украины, выбрал Хрущёва из нескольких претендентов на должность заместителя заведующего орготделом ЦК КП(б) Украины. Так Хрущёв оказался в Харькове, в то время столице республики. С заведующим орготделом Николаем Демченко он поладил, но сама работа ему не нравилась: «канцелярская», как характеризовал ее Никита Сергеевич. Еще не вступив в должность, он попросил Кагановича при первой возможности перевести его из столицы в какой-нибудь округ, лучше промышленный. В апреле 1928 года Демченко получил назначение в Киев, и вместе с ним переехал Хрущёв. Теперь Николай был секретарем Киевского окружного комитета, а Никита возглавлял орготдел ЦК Компартии Украины. Переезд в Киев вызывал у Хрущёва опасения, он побаивался националистов – не поймут его, русского. Но страхи Никиты Сергеевича были напрасны – эту работу он вспоминал потом с теплотой, да и сам Киев ему понравился. Знакомство с «матерью городов русских» Хрущёв начал с прогулки по берегу Днепра – прямо с вокзала, с чемоданом в руках. Однако в Киеве Никита Сергеевич задержался меньше чем на год. В 1929 году в Москве была открыта Промышленная академия, и Никита Сергеевич попросил отпустить его учиться. Отъезд Хрущёва вызвал удивление: сотрудники подозревали, что имел место какой-то скрытый конфликт с Демченко. Это, скорее всего, не так, и все же истинная причина, по которой Хрущёв так быстро покинул Киев, остается загадкой. С одной стороны, Никите Сергеевичу как раз исполнилось 35, и это был последний год, когда он мог поступить в высшее учебное заведение. Но есть и другая версия. Чекист А. М. Орлов писал в мемуарах, что в Украине в это время созрел заговор против Сталина. Среди недоброжелателей вождя были Якир и Косиор. Историк Юрий Емельянов придерживается мнения, что Хрущёв мог об этом узнать и переехать в Москву подальше от возможных неприятностей. Емельянов обращает внимание на то, что перед отъездом Никита Сергеевич сильно болел, а это случалось с ним редко и обычно было связано со стрессом.

Промышленная академия, в которую поступил Хрущёв, представляла собой привилегированное учебное заведение, ориентированное на подготовку руководящих кадров для народного хозяйства. Однако среди слушателей было немало приверженцев «правого уклона», то есть сторонников Бухарина, Рыкова и Угланова. Борьба с «уклонистами» и помогла Хрущёву сделать головокружительную карьеру – пройдет совсем немного времени, и он возглавит столичный обком.

Хрущёв был очень активным членом партячейки академии и ратовал за исключение из нее инакомыслящих. Он познакомился с женой Сталина Надеждой Аллилуевой, которая тоже училась в академии. Они были в очень хороших отношениях, и Никита Сергеевич писал потом, что именно Аллилуева помогла ему сделать дальнейшую карьеру, рассказывая о партийной бдительности Никиты Сергеевича царственному супругу: «Когда я стал секретарем Московского комитета и областного и со Сталиным часто встречался, бывал у Сталина на семейных обедах, когда была жива Надежда Сергеевна, то я уже понял, что жизнь в Промышленной академии и моя борьба за генеральную линию в академии сыграли свою роль. Она много рассказывала, видимо, Сталину, и Сталин мне потом много в разговорах напоминал об этом... Я сперва даже не понимал, что уже забыл какой-то там эпизод, а потом я вспоминал – ах, видимо, Надежда Сергеевна рассказывала... Это, я считаю, и определило мою позицию. И главное, отношение ко мне Сталина. Вот я и называю это лотерейным билетом, что я вытащил свой счастливый лотерейный билет. И поэтому я остался в живых, когда мои сверстники, мои однокашники, мои друзья, мои приятели, с которыми я вместе работал в партийных организациях, сложили голову как "враги народа"». Впрочем, многие исследователи считают маловероятным,

² Юзовка в 1924 г. была переименована в Сталино, в 1961-м – в Донецк.

что Сталин прислушивался к словам жены при решении столь серьезных вопросов, как продвижение по служебной лестнице того или иного партийца. Биографы сходятся во мнении, что Хрущёва протезировал Каганович – в то время член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Московского обкома. Рой Медведев полагает, что Хрущёв нарочно умаляет роль Кагановича в своей судьбе из опасений, что тень этого «верного сталинца» падет на него самого.

21 мая 1930 года партсобрание академии избрало делегацию на X Бауманскую районную партконференцию. Среди делегатов были слушатели, которых считали сторонниками «правых». Хрущёв в это время был в командировке в подшефном колхозе и ни о чем не знал. Когда Никита Сергеевич вернулся, его вызвали к главному редактору «Правды» Л. З. Мехлису. Он показал Хрущёву заметку, в которой говорилось о том, что бюро партячейки академии попустительствовало «правым», а райком не предпринимал должных мер. В результате и попали на районную конференцию делегаты-«уклониисты». Мехлис предложил Хрущёву подписать заметку, что тот и сделал. 28 мая Никиту Сергеевича избрали секретарем бюро новой ячейки и делегатом партконференции.

Историк А. Н. Пономарев приводит рассказ одного старого партийца, который был свидетелем того, как приехавший в академию Каганович лично приказал «сделать секретарем ячейки» Хрущёва. Он же продвигал Никиту Сергеевича дальше, и, как полагает Пономарев, перемещения Хрущёва были связаны с «пожарной ситуацией» в отдельных районах Москвы, то есть с необходимостью избавиться от «уклониистов», занимавших посты в местных парторганизациях и на предприятиях. В начале января 1931 года Хрущёва избрали первым секретарем Бауманского райкома партии (в Бауманском районе и находилась академия), в июле он занял такой же пост в самом большом районе столицы – Краснопресненском, а еще через шесть месяцев стал вторым секретарем Московского горкома партии, то есть правой рукой Кагановича.

К чести Хрущёва следует заметить, что во времена его стремительного взлета «отступников» от генеральной линии партии, с которыми тот боролся, не расстреливали и не сажали в тюрьму – «уклониизм» был чреват тогда исключением из партии, строгим выговором или переводом на низовую работу. Так что крови на руках Никиты Сергеевича пока не было.

Партийная деятельность помешала Хрущёву закончить академию. В советские годы ходил такой анекдот. Ночь. Телефонный звонок в квартире Хрущёва. Удивленная Нина Петровна снимает трубку: «Алло?» Игривый женский голос: «Пригласите, пожалуйста, Никиту Сергеевича!» – «А кто его спрашивает?» – «Это его соученица...» – «Врешь, гадина, он нигде не учился!» И по сей день историки и журналисты объясняют многие ошибки Хрущёва его безграмотностью. Но среди партработников тех лет отсутствие формального образования было не редкостью. И, как бы то ни было, никто не может упрекнуть Хрущёва в лени или же отсутствии искреннего интереса к любому делу, за которое он брался.

КАК МОСКВА СИТЦЕВАЯ СТАЛА МОСКВОЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ

Хрущёв, в отличие от многих тогдашних руководителей, предпочитал не засиживаться в кабинетах, а работать с людьми на местах. Настойчивый и энергичный, общительный и любознательный, он словно бы «вываривался» в людской массе, что, по его собственному признанию, часто помогало. Однако формирующаяся система брала свое: у Хрущёва, как и у других партийных руководителей, на первый план постепенно выдвигались не политико-воспитательные, а командно-волевые методы управления и воздействия.

В. Шевелев, историк

О столичном городском хозяйстве первой половины 1930-х годов Хрущёв писал следующее: «...улицы неблагоустроены; не было должной канализации, водопровода и водосток; мостовая, как правило, булыжная, да и булыга лежала не везде; транспорт в основном был конным. Сейчас страшно даже вспомнить, но было именно так». Решено было превратить Москву «в образцовый социалистический город». А в июле 1935 года был принят «Генеральный план реконструкции Москвы», и за эту самую реконструкцию будет отвечать Хрущёв – на пару с председателем Моссовета Булганиным.

Рабочий день Никиты Сергеевича часто начинался на очередной стройке. Руководители тех лет вообще работали на износ – уж очень завышены были планы, к тому же рисковали они не только партбилетом. Но Хрущёв, кроме того, душой болел за свое дело. Было у него и еще одно качество, выгодно отличавшее его от многих партийцев, – он умел выступать с трибуны. Речь его была своеобразной: некоторые слова он произносил неправильно, перескакивал с темы на тему, но говорил живо, с юмором, сыпал поговорками. В те годы он еще не читал «по бумажке». Когда Хрущёв окажется на вершине власти, речи ему станут писать, а точнее оформлять то, что он надиктует. Но и в этот текст он вставлял экспромтом шутки, зарисовки и пословицы. Он научился говорить часами и даже заслужил репутацию болтуна, однако очень остроумного.

Деятельный и ответственный, он был в фаворе и продвигался все выше и выше. В феврале 1934 года на XVII съезде ВКП(б) Никита Сергеевич стал членом ЦК ВКП(б), а вскоре его избрали первым секретарем горкома и вторым секретарем Московского обкома партии, то есть главным заместителем Кагановича по работе в Москве и области.

Вместе с Булганиным Хрущёв бывал на обедах в доме вождя. «Приходите обедать, отцы города», – приглашал их Сталин. Никита Сергеевич вспоминал, что в те годы он воспринимал Сталина как очень умного и обаятельного человека, на голову выше своего окружения. Иногда Сталин приглашал «отцов города» в театр и обсуждал с ними в антракте деловые вопросы.

В 1935 году Кагановича назначили наркомом путей сообщения. На свое прежнее место он рекомендовал Хрущёва. Теперь Никита Сергеевич стал первым секретарем Московского обкома партии, а вскоре он был избран и кандидатом в члены Политбюро.

Несмотря на свой высокий статус, жил Хрущёв довольно скромно. В мемуарах он признается, что рабочим до революции материально был обеспечен лучше, чем секретарем горкома и обкома. Вместе с родителями, женой и пятью детьми он занимал четырехкомнатную квартиру в знаменитом Доме на набережной (тогда Доме правительства). «В ту пору никто и мысли не допускал, чтобы иметь личную дачу: мы же коммунисты. Ходили мы в скромной одежде, и я не знаю, имел ли кто-нибудь из нас две пары ботинок. А костюма, в современном

его понимании, не имели: гимнастерка, брюки, пояс, кепка, косоворотка – вот, собственно, и вся наша одежда», – вспоминал Хрущёв.

Нина Петровна заведовала парткабинетом на Московском электроламповом заводе. На работу она ездила, как и большинство трудящихся, на трамвае и не признавалась сослуживцам, чья она жена. С работы Нина возвращалась поздно, и с детьми, особенно маленькой Радой, которая родилась в 1929 году, возился большей частью дедушка Сергей Никанорович. Он был уже в летах и болел туберкулезом – работа в шахтах не прошла даром. Любила внуков и Ксения Ивановна. Когда в 1935-м родился Сергей, а в 1937-м Елена, Нине Петровне все же пришлось с головой погрузиться в дела семейные. Она оставила работу и стала просто женой и матерью.

А тем временем «Москва ситцевая» превращалась в «Москву индустриальную». Строились заводы, берега соединяли новые мосты, но главным чудом стало метро. Сначала строительство курировал Каганович, затем он переложил эту заботу на плечи Хрущёва и Булганина. «Со строительством метро дело обстоит плохо, – сказал он Хрущёву. – Вам придется, как бывшему шахтеру, заниматься детальным наблюдением за ним... Сходите на какие-то метрошахты, а Булганин пойдет на другие. Побудьте там несколько дней и ночей, посмотрите на все, изучайте с тем, чтобы можно было руководить по существу и знать свое дело». Вскоре «руководить по существу» и отчитываться перед Кагановичем Хрущёву пришлось в одиночку – Булганин в метрошахтах простудился и заболел ишиасом.

Любопытно, что Никите Сергеевичу принадлежит ряд полезных технических изобретений. Участник строительства И. Кучеренко вспоминал: «Он первым подал мысль о горизонтальной проходке под сжатым воздухом. Сидим мы с ним в забое 17-й шахты. Он и говорит: «Кучеренко, а нельзя ли, чтобы ящики не так шли, а горизонтальным порядком?» – «Подумаю, Никита Сергеевич». Подумал. Попробовал. И таким образом его мысль дала толчок горизонтальной проходке под сжатым воздухом». Благодаря предложенной Никитой Сергеевичем гидромеханизации рабочие освободились от вредного труда в кессонных камерах, и, кроме того, снизилась себестоимость кессонных работ. Кузов вагона метро был тоже сконструирован при участии Хрущёва.

15 мая 1935 г. года была открыта первая очередь Московского метрополитена. Столицу украсили «подземные дворцы» – таких не было нигде в мире. Советский Союз демонстрировал, что пролетарское государство не лишено вкуса.

За строительство метро Хрущёв получил орден Ленина. Своим детищем Никита Сергеевич очень гордился: «У нас метро работает прекрасно, – говорил он в одном из выступлений в 1937 году, когда начали строить уже третью очередь метрополитена. – Напрасно каркало все это буржуазное воронье и их глашатай Уэллс. Когда он был здесь, не спустился в метро, говорит, «завалится». А теперь они вынуждены говорить, что наше метро лучше английского. Товарищ Булганин был в Англии, они говорят, что некоторые станции они перестроят по образцу наших московских».

Был и еще один новый вид транспорта – троллейбус. Хрущёв вспоминал, что потратил на его внедрение много сил. Противником троллейбуса был сам Сталин. Опасаясь, что троллейбус перевернется, он в последний момент запретил испытание уже готовой линии. Но опоздал – троллейбус уже испытали. Сталин смирился, его убедили, что троллейбус – транспорт прогрессивный: не шумит и не загрязняет воздух. Так в 1934 году появился первый троллейбус. Но позже, когда Хрущёв сотоварищи купили двухэтажный троллейбус, Сталин категорически запретил использовать это чудо техники.

Приходилось Хрущёву решать и вопросы, связанные с постройкой канала Москва – Волга. Любопытно, что соединить эти две реки собирался еще Петр Первый. В 1721–1722 годах были разработаны три плана его сооружения. В XIX веке к этой идее вернулись, и в 1844 году был даже построен участок канала между Истрой и Сестрой, но на этом все и закончилось. И наконец, уже в веке XX канал построили.

Отвечало за работы НКВД во главе с Г. Ягодой, а затем Н. Ежовым – сейчас хорошо известно, что при строительстве этой водной магистрали массово использовался труд заключенных. Москва же обеспечивала стройку техникой. Помимо этого, обкому, который возглавлял Хрущёв, а также Моссовету пришлось решать в связи с этой грандиозной затеей вопросы сооружения водопроводных станций, строительства и реконструкции мостов и набережных. Канал открыли 15 июля 1937 года. Он связал Москву с Белым, Каспийским и Балтийским морями, а кроме того, решил важнейшую проблему снабжения города водой.

Облик столицы изменился, однако «образцовый социалистический город» при Хрущёве лишился нескольких памятников архитектуры, в том числе храма Христа Спасителя, Красных ворот и Сухаревой башни. Как известно, репрессировали не только памятники архитектуры. В 1935 году из Москвы и Ленинграда выслали в провинцию десятки тысяч семей – бывших дворян, купцов и фабрикантов. Громили и бывших оппозиционеров. Весной 1937 года начались чистки среди руководящих кадров.

На пленумах обкома Хрущёв призывал к повышению бдительности. Вот отрывок из одной его речи: «Нужно уничтожать этих негодяев. Уничтожая одного, двух, десятков, мы делаем дело миллионов. Поэтому нужно, чтобы не дрогнула рука, нужно переступить через трупы врагов на благо народа». Известно, что в те годы коммунисты, которые, пытаясь спастись, обращались к Хрущёву, в большинстве случаев поддержки не находили.

Когда репрессии коснулись горкомов и райкомов, был арестован друг Хрущёва секретарь МГК ВКП(б) С. Короткий. В Москву его в свое время перевез Никита Сергеевич (он же после смерти Сталина вытянул из лагеря семью Короткого). Арестованы были многие знакомые Хрущёва по работе в Москве – директора предприятий и руководители Метростроя. Никита Сергеевич позже писал, что он долго верил в то, что осужденные действительно были врагами Советского государства: «Когда Сталин разоблачал «врагов», я считал, что он прозорлив, он видит врагов. А я? Вокруг меня столько было врагов, столько арестовано людей, с которыми я ежедневно общался и не замечал, что они враги...»

Послушание Хрущёва, по мнению большинства историков, и стало пропуском в высшие эшелоны власти. Позже он будет вспоминать те годы с ужасом. «А ты знаешь, у меня руки в крови, – сказал он много лет спустя своему фотографу Петру Кримерману. – Сталин на заседаниях пускал бумаги вкруговую, чтобы подписали все. Если бы я отказался, мы бы с тобой тут не сидели».

В конце 1937-го Хрущёв стал депутатом Верховного Совета СССР. С 12 по 16 января 1938 года проходила сессия Верховного Совета, во время которой П. Постышева сняли с поста кандидата в члены Политбюро и на его место избрали Никиту Сергеевича. Он стал одним из десяти самых влиятельных партийных деятелей Советского Союза.

Было ясно, что Постышев, которого сменил Хрущёв, обречен. Так же, как Косиор – генеральный секретарь Компартии Украины.

Поскольку во время репрессий 1937 года в Украине пострадали почти все члены Политбюро ЦК КП(б)У и было арестовано около 150 тысяч членов партии, руководящие должности должны были занять новые лица – «верные сталинцы». Во главе Украинского ЦК вождем решил поставить преданного человека – Хрущёва. Никита Сергеевич не хотел возвращаться в Украину, поскольку, как он пояснял Сталину, не считал себя столь компетентным, как Косиор. Особенно беспокоили Хрущёва вопросы национальной политики. Но Сталин был категоричен: «Хватит перечить. Ты едешь на Украину». Так 29 января 1938 года Никита Хрущёв стал исполняющим обязанности первого секретаря ЦК КП(б)У, а в июне его официально избрали на этот пост.

«ОКО» СТАЛИНА В УКРАИНЕ

После доклада Хрущёва на XX съезде ему кто-то крикнул из зала:

– А почему вы молчали?

Хрущёв:

– Кто спрашивает?

Молчание.

– Кто спрашивает?

Молчание.

– Молчите? Вот и мы молчали.

Анекдот

Биографы Хрущёва сходятся в том, что уцелеть физически и не сломаться морально ему помогло то, что три года до войны и пять лет после нее он находился вдали от вождя, в Украине.

От Украины, как житницы и промышленной базы, зависел весь Советский Союз. Поэтому Сталин и делал республике реверансы – например, в Украине и только в Украине было свое Политбюро. Конечно, на самом деле Украина не была автономной и ее руководство подчинялось Сталину, однако пребывание в Киеве, а не в Москве позволило Хрущёву существенно сэкономить нервные клетки. Одно дело знать, что хозяин есть, другое дело ежедневно перед ним пресмыкаться, как это приходилось делать кремлевской верхушке.

Хрущёв этническим украинцем не был, но Украину любил всей душой. Вышиванки он носил до старости – одевал их и в Москве, и за рубежом, если не требовалась более официальная одежда. Сталин в шутку называл Хрущёва Микитой. Так звали его и многие украинские знакомые. Преданность Украине Хрущёв докажет не раз. Но мог ли «Микита» Сергеевич помочь ей в 1930-х? Голод 1932–1933 годов он не застал. В мемуарах Хрущёв пишет, что сначала он ничего не знал, а когда в Москву стали просачиваться сведения о положении в Украине, не представлял, как такое могло случиться: «Когда я уезжал в 1929 г., Украина находилась в приличном состоянии по обеспеченности продуктами питания. А в 1926 г. мы вообще жили по стандарту довоенного времени, то есть 1913 г., а тогда продуктов питания на Украине имелось много и все продукты были дешевые: фунт мяса стоил 14 коп., у овощей была буквально копеечная цена. В 1926 г. мы достигли довоенного уровня, и после упадка хозяйства в результате войны и разрухи мы гордились этим успехом. И вдруг – голод!» Но Никита Сергеевич честно признает, что если бы и знал, то нашел бы объяснение: саботаж, контрреволюция, кулацкие проделки и т. д.

Безусловно, большая часть процессов над «врагами народа» пришлось не на правление Хрущёва. «Сталинский террор» в Украине, как мы его теперь называем, связан не столько с Хрущёвым, сколько с Косиором и Постышевым. Известно, что Сталин давил на украинское руководство, требуя изобличать все больше и больше троцкистов, бухаринцев и националистов. Постановление ЦК ВКП(б) от 13 января 1937 года «О неудовлетворительном партийном руководстве Киевского обкома КП(б)У и недостатки в работе ЦК КП(б)У» прямо свидетельствует об этом. В конце концов жертвами карательной машины оказались сами «нерадивые» борцы за генеральную линию партии – Постышев и Косиор. Поэтому, направляя Хрущёва в Украину (куда, следует отметить, на этот раз Никита Сергеевич вовсе не стремился), Сталин дал ему задание взяться за дело с удвоенной энергией и даже выслал «подкрепление»: в феврале 1938 года в Киев приехал Ежов. Наркомом внутренних дел УССР был его ставленник Успенский, которому Ежов тут же дал указание расстрелять еще «тысяч тридцать» неугодных. И если верить документам НКВД, в Украине произошел «коренной перелом в разгроме вражеских формирований и троцкистского подполья». Уже при Хрущёве было сфабриковано множество дел: в руководстве «Польской организацией войсковой» обвинили Стани-

слава Косиора и его брата Казимира, а в основании «право-троцкистского центра» – бывшего секретаря ЦК КП(б)У М. Попова и экс-наркома внутренних дел В. Балицкого. Можно вспомнить также «Военно-националистическую организацию», «Священный союз партизан», «Организацию молодой генерации украинских националистов». Следует ли винить Хрущёва? Отчасти – ведь, как известно, НКВД неформально стоял над партией, подчиняясь лишь Сталину. Более того, Иосиф Виссарионович и сам НКВД побаивался – периодически менял руководство всемогущего комиссариата и чистил его ряды. Карая палачей, которые действовали, в сущности, по его указанию, Сталин поступал логично: сохранилось множество свидетельств об интригах Ягоды и Ежова против вождя. Кроме того, на НКВД можно было списать «перегибы», что и сделал Сталин, убрав Ежова.

Конечно, выступления Никиты Сергеевича – хоть при Ежове, хоть во время ликвидации «ежовщины», полны характерной патетики: «Уничтожая врагов народа, мы нанесли удар польской, немецкой, японской и другим разведкам, что равно выигрышу большой войны», или: «Успешная борьба за коммунизм не должна ослаблять нашу волю, нашу закалку в борьбе с врагами. Мы должны сурово помнить слова великого Сталина о капиталистическом окружении. Наши успехи должны еще больше заострить нашу бдительность и отточить наше оружие для нещадного уничтожения врагов». А вот отрывок из резолюции XIV съезда КП(б)У на отчет Никиты Сергеевича (когда Ежова уже убрали): «Подлые враги народа, что орудовали на Украине, в некоторых партийных организациях, все делали для того, чтобы... задерживать исправление ошибок, сеять неуверенность и подозрительность в партийных рядах, перебить большевистские кадры...»

Аресты шли своим чередом, и, конечно, Хрущёв опять подписывал нужные бумаги. Страх? Вероятно. Вера в «правое дело»? Возможно, она еще сохранилась. Но вдали от вождя Никита Сергеевич все же пытался разобраться, кто «враг народа», а кто нет. Известен такой эпизод. Отправляя Хрущёва в Киев, Сталин советовал ему обратить внимание на одну очень бдительную гражданку по фамилии Николаенко и сотрудничать с ней. Эта дама уже сдала множество своих знакомых соответствующим органам. Когда Николаенко явилась к Хрущёву, она произвела на него впечатление человека неадекватного: «Ну это был просто какой-то бред сумасшедшей: она всех украинцев считала националистами, все в ее глазах были петлюровцами, врагами народа, и всех их надо арестовывать», – вспоминал Хрущёв. Он осторожно выпроводил посетительницу, понимая, что будь он с ней грубее, она тут же «настучит» и на него. Николаенко приходила к нему еще много раз, рассказывала о «врагах народа». Когда Никита Сергеевич прямо сказал Сталину, что Николаенко не в своем уме, тот заявил, что к ней надо прислушиваться и принимать меры, даже если в ее словах 10 % правды. Но Хрущёв по наветам Николаенко никого не арестовал и стал ей открыто говорить, что ее заявления не имеют никаких оснований. Обиженная Николаенко написала бумагу в Москву: дескать, покрывает генеральный секретарь украинского ЦК врагов народа и националистов. Этому документу, правда, хода не дали, но Хрущёв очень рисковал – конечно, дело было не в навете Николаенко, а в том, что он посмел послушаться вождя.

Как мы увидим дальше, Никита Сергеевич «покажет зубы» еще не раз: заступится за поэтов Рыльского и Бажана, откажется клеветать на бывшего секретаря Московского обкома Попова. И тем не менее, «рубаха-парень» Хрущёв будет держаться так просто и непосредственно, так наивно болеть за дело коммунизма, что Сталину и в голову не придет заподозрить в нем будущего преемника и «могильщика культа личности». А пока вождь продвигал Хрущёва еще выше: после XVIII съезда партии Никита Сергеевич стал членом Политбюро ЦК ВКП(б).

В августе 1939 года СССР и Германия подписали договор о ненападении, который вошел в историю как пакт Молотова – Риббентропа. Никита Сергеевич знал о наличии секретного протокола, прилагавшегося к нему. Он писал в мемуарах, что сам по себе союз с нацистами

был ему неприятен, но такова была необходимость: только так можно было сравить Англию и Францию – союзников Польши – с Германией. А что касается самой Польши, то это, по мнению Хрущёва, ее правительство виновато – не захотело вместе с Советским Союзом бороться против Гитлера. Как член военного совета Киевского Особого военного округа (КОВО) Хрущёв участвовал в приготовлениях к разделу Польши. Десятки дивизий придвинули к польской границе, чтобы 17 сентября перейти ее и занять территории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Никита Сергеевич до конца своих дней не сомневался в том, что «воссоединение украинских земель» было исторической необходимостью. Однако в мемуарах он честно признается, что в отношении коммунистов на завоеванных территориях Сталин был неправ. Компартии Западной Украины и Белоруссии были распущены по решению Исполкома Коминтерна, как и Компартия Польши. В октябре 1942 года Политбюро ЦК КП(б)У по инициативе Хрущёва приняло постановление «О фактах неправильного отношения к бывшим членам КП Польши», которое отменило «огульное политическое недоверие» к ним.

Конечно, будучи генеральным секретарем ЦК КП(б)У, Хрущёв занимался не только идеологическими и военными проблемами. Отправляя его в Украину, Сталин сказал: «Я знаю, что у тебя есть УПОДОБАННЯ к городам и промышленности, так что я хотел бы предупредить тебя – не ограничиваться управлением промышленностью и городским хозяйством и не пренебрегать своими обязанностями касательно сельского хозяйства. А особенно постарайся не проводить все время в Донбассе. В промышленности не будет столько проблем, сколько в сельском хозяйстве. И запомни хорошо: сельское хозяйство Украины имеет огромное значение для Советского Союза. Постарайся сделать все, чтобы более эффективно организовать там наше земледелие».

Никита Сергеевич с поручением справился: экономика Украины в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, успешно развивалась. На востоке республики в магазинах, на колхозных рынках можно было недорого купить муку, мясо, молочные продукты, и в этом была заслуга Хрущёва.

В Западной Украине ситуация была особой: как после революции, советская власть национализировала промышленность и банки, ликвидировала помещичьи хозяйства, создавала колхозы. Множество неугодных было депортировано в восточные и северные районы СССР. Согласно архивным данным, к ноябрю 1940 года было выслано 1 млн 173 тыс. 170 человек.

Как и большинство членов советского руководства, Хрущёв не верил, что войны с Германией не будет. Вместе с командующим КОВО генералом М. П. Кирпоносом он ездил в пограничные районы, следил за строительством оборонительных сооружений. В распоряжение округа передали крупные военные соединения из других районов. Но Хрущёв понимал, что Украина к войне не готова...

ПЯТЬ ФРОНТОВ, НЕ СЧИТАЯ ТРУДОВОГО

Хрущёв был человеком энергичным, смелым, постоянно бывал в войсках, никогда не засиживался в штабах и на командных пунктах, стремился видаться и разговаривать с людьми, и, надо сказать, люди его любили.

Маршал А. Василевский

22 июня 1941 года в Киеве должны были открыть стадион имени Хрущёва. На 5 часов вечера намечался грандиозный спортивный праздник. Предполагалось, что он начнется выступлением известных киевских гимнастов, чемпионов СССР – Аджата Ибадулаева и Таисии Демиденко. В этот день должен был состояться футбольный матч на первенство СССР между киевским «Динамо» и московским ЦДКА. Но началась война, и праздник пришлось отменить. Зрителям сказали, что по купленным билетам они смогут прийти на стадион после победы над врагом. В освобожденном Киеве действительно состоялся матч, на который пришли болельщики, сохранившие свои билеты. Правда, этот матч прошел на стадионе «Динамо»...

Когда началась война, в Киевском военном округе не было даже достаточного количества винтовок, чтобы вооружить людей, призванных в армию. Хрущёв позвонил Маленкову и попросил помочь. Маленков ответил, что это невозможно – винтовок нет, те, что были, отправили в Ленинград. «Вооружайтесь сами», – сказал он. Паниковать было нельзя, и Хрущёв в кратчайшие сроки организовал производство оружия и боеприпасов. Подступы к Киевскому укрепленному району окружили противотанковыми рвами, создали народное ополчение.

Летом 1941 года Советский Союз терпел неудачи. На Южном фронте 16 июля немецкие и румынские войска заняли Кишинев.

Пришлось отступить за Днестр – здесь планировалось создать новую линию обороны. На Юго-Западном фронте Красную армию тоже ждало поражение: укрепленные районы на бывшей границе не задержали немцев, и 30 июня они заняли Львов, 7 июля – Бердичев, а уже 11-го танковая группа генерала Клейста прорвалась к Киевскому укрепленному району. Маршал Баграмян вспоминал о том, как напряженно работал в эти дни Хрущёв: «Я помню, какую огромную политическую и организационную работу вел в период напряженных боев на подступах к Киеву Н. С. Хрущёв. Постоянно находясь то в цехах заводов, то на передовых позициях, Н. С. Хрущёв, пользовавшийся огромным доверием киевлян и войск, умело направлял их действия на достижение победы».

В июле и августе 1941-го немецкие войска Киев не заняли. Они обошли город и двинулись в восточном направлении, а в линии фронта образовался так называемый Киевский выступ. Чтобы спасти южное направление, начальник Генштаба Жуков предложил Сталину сдать Киев, отвести Юго-Западный фронт за Днепр и создать новую линию обороны на путях к Харькову и Донбассу. Его поддержали командующий юго-западным направлением Буденный, Кирпонос, который возглавлял штаб Юго-Западного фронта, и Хрущёв. Однако сдавать столицу Украины Сталин категорически запретил. Он отправил Хрущёву телеграмму: «Получены достоверные сведения, что вы все, от командующего Юго-Западным фронтом до членов Военного Совета, настроены панически и намерены произвести отвод войск на левый берег Днепра.

Предупреждаю вас, что если вы сделаете хоть один шаг в сторону отвода войск на левый берег Днепра, не будете до последней возможности защищать районы Уров [укрепрайонов. – Н. Л.] на правом берегу Днепра, вас всех постигнет жестокая кара, как трусов и дезертиров. Председатель Государственного Комитета Обороны (И.Сталин), 11/VII.41».

Жуков из-за этого конфликта потерял должность начальника Генерального штаба, однако «паникеры» оказались правы: несмотря на сопротивление Красной армии, немцы город взяли, и, более того, 21 сентября большая группировка советских войск попала под Киевом в окружение, выйти из которого почти никому не удалось. Погиб почти весь штаб Юго-Западного фронта, генерал Кирпонос застрелился. В плен попало 665 тысяч человек – в мировой истории это было самое большое количество пленных, захваченных в одном сражении. Хрущёв и Буденный находились вне кольца, но ничем помочь не могли – у них было недостаточно войск, чтобы исправить положение.

Немцы продвигались по Левобережной Украине все дальше и дальше. Харьков, куда перенесли ставку Хрущёва, Красная армия сдала без боя, и войска отступили в район Ворожея и Курска. Но весной 1942 года советское командование попыталось исправить положение. Войска Юго-Западного фронта под командованием Тимошенко и Южного фронта под командованием Малиновского начали наступательную операцию в районе Харькова. Однако в Харьковской операции участвовало слишком мало войск: Красная армия прорвала оборону немцев, но не успела продвинуться вперед и на сотню километров, как противник перешел в контрнаступление и окружил советские части.

Хрущёв пытался предотвратить катастрофу. Он позвонил заместителю начальника Генштаба Василевскому и попросил его доложить Сталину реальную обстановку. Никита Сергеевич надеялся, что Сталин разрешит прекратить наступление, но Василевский говорить с вождем отказался, мотивируя это тем, что Сталин уже все решил. Тогда Хрущёв позвонил на дачу Сталина. К телефону подошел Маленков. «Я говорю товарищу Маленкову, что звоню с фронта и хочу лично доложить Сталину о тяжелом положении, создавшемся у нас на фронте, – рассказывал потом Хрущёв на XX съезде. – Но Сталин не счел нужным взять трубку, а еще раз подтвердил, чтобы я говорил с ним через Маленкова, хотя до телефона пройти несколько шагов.

«Выслушав» таким образом нашу просьбу, Сталин сказал:

– Оставить все по-прежнему!»

Правда, Жуков в своих мемуарах опровергает рассказ Хрущёва. Он утверждал, что Сталин не считал нужным отменять Харьковскую операцию, так как продолжать наступление хотело само командование Юго-Западного фронта. Георгий Константинович писал, что Сталин лично звонил Хрущёву и предупреждал об угрозе с левого фланга, которая, собственно, и погубила операцию. По мнению Никиты Сергеевича, эту версию придумал не сам Жуков, а генералы-штабисты, которые отредактировали его воспоминания. Большинство военных историков считает, что виноват был все-таки Сталин. Кроме того, Хрущёв в речи на XX съезде апеллировал к Василевскому, и тот подтвердил его слова.

В конце июня 1942 года немецкая армия начала наступление южнее Курска. Немцы прорвали оборону на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов и двинулись на Кавказ и Волгу. Хрущёва назначили членом Военного совета очень важного в тот момент Сталинградского фронта. Занимая фактически должность политработника, Хрущёв решал и военные вопросы. Так, он участвовал в разработке планов контрнаступления советских войск под Сталинградом и окружения армии Паулюса. По воспоминаниям современников, Никита Сергеевич не любил сидеть на месте. Хрущёв ездил по передовой и лично проверял боеспособность войск. Генералом он был толковым.

Семья во время войны была в эвакуации в Куйбышеве. Младший сын Хрущёва, Сергей, очень болел. У мальчика был костный туберкулез, который тогда практически не умели лечить. Немцы были совсем близко, но из Куйбышева Никита Сергеевич уезжать не советовал – уверял, что за Волгу они не пройдут.

Когда после освобождения города Сталинградский фронт расформировали, Хрущёв был переведен на Южный. В результате зимнего наступления 1942–1943 годов войска Южного

фронта освободили Ростов-на-Дону и юго-восточные районы Украины. После этого Хрущёв стал одним из руководителей Юго-Западного фронта, а когда в ходе зимней кампании Красная армия взяла Ворошиловград и Харьков, Никиту Сергеевича назначили на Воронежский фронт – как и прежде, членом Военного совета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.